

Отношения Индонезии с США при Джоко Видодо

Малетин Николай Павлович

доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник кафедры Востоковедения МГИМО МИД России, Россия, Москва, maletinnp@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0368-1433>

Хохлова Наталья Ивановна

кандидат исторических наук, начальник Отдела докторантуры и аспирантуры, МГИМО МИД России, Россия, Москва, nataliamgimo@inbox.ru, [https:// 0000-0002-3470-3201](https://orcid.org/0000-0002-3470-3201)

Аннотация: Отношения между этими двумя странами на протяжении всей истории независимой Индонезии переживали как взлеты, так и падения. Естественно возникал справедливый вопрос, по какому сценарию будут развиваться связи между двумя государствами после прихода к власти Джоко Видодо в 2014 г. Этой проблемой, в первую очередь, была обеспокоена индонезийская общественность, потому что США является одним из ключевых игроков на глобальной политической арене. В данной статье авторы рассматривают ключевые моменты в отношениях двух стран, произошедшие за последние годы, и делают выводы о всё ещё сохраняющейся противоречивости в их совместной деятельности.

Ключевые слова: Индонезия, США, АСЕАН, Китай, Юго-Восточная Азия, АТР, ИТР, ТПП, Джоко Видодо, Барак Обама, Дональд Трамп

Indonesia's Relations with the United States under Joko Widodo

Nikolay P. Maletin

Doctor of History, Professor, Senior Researcher, Department of Oriental Studies, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia, maletinnp@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0368-1433>

Natalia I. Khokhlova

PhD in History, Head of the Department of Doctorate and Postgraduate Studies, MGIMO MFA of Russia, Russia, Moscow, nataliamgimo@inbox.ru, [https:// 0000-0002-3470-3201](https://orcid.org/0000-0002-3470-3201)

Abstract: Relations between the two countries have experienced both ups and downs throughout the history of independent Indonesia. Naturally, a fair question arose as to what scenario would develop ties between the two states after Joko Widodo came to power in 2014. This problem, first of all, was the concern of the Indonesian public, because the United States is one of the key players in the global political arena. In this article, the authors examine the

key moments in relations between the two countries that have occurred in recent years, and draw conclusions about the still remaining contradictions in their joint activities.

Keywords: Indonesia, USA, ASEAN, China, Southeast Asia, Asia-Pacific, ITR, CCI, Widodo, Obama, Trump

В то время, когда новый президент страны Джоко Видодо сменил Юдойоно осенью 2014 г., был взят курс на становлении Индонезии в качестве «глобальной морской оси» и страну позиционировали в качестве государства-архипелага, которому следовало расширить свое присутствие в Индо-Тихоокеанском регионе. В принятой Джакартой Стратегии морской политики страна определялась как срединная точка между Индийским и Тихим океанами¹.

В своем выступлении на Восточноазиатском саммите 13 ноября 2014 г. Видодо отметил, что центр тяжести в геополитике и геоэкономике смещается с Запада в Восточную Азию, что требует особого внимания к морским сообщениям. В этой связи он высказал позицию Индонезии, чтобы «Индийский и Тихий океаны оставались мирными и безопасными для мировой торговли и не использовались как платформа для захвата природных ресурсов»².

Профессор американского университета в Вашингтоне Вибханшу Шекхар в своей книге о внешней политике Индонезии отмечает, что стремление Индонезии стать морской державой свидетельствует о новом уровне национального самосознания, что разительно отличается от предыдущих попыток только лишь восстановить и улучшить международный имидж страны³.

Помимо этой глобальной стратегической задачи российский исследователь А. Другов фиксирует три взаимосвязанные цели в сфере внешней политики страны: 1) Развитие отношений со всеми партнерами, чтобы обеспечить политические и экономические интересы страны, ее безопасность и территориальную целостность, многовекторность внешней политики; 2) Предотвращение втягивания страны в американо-китайское противостояние в каком бы то ни было качестве; 3) Позиционирование Индонезии как политического центра Юго-Восточной Азии с перспективой выхода на ведущие позиции в мировом масштабе⁴.

Перед Вашингтоном открылись новые возможности для расширения «всеобъемлющего стратегического партнерства», установленного еще в ноябре 2010 г. во время визита Б. Обамы в Джа-

карту и для наращивания американского присутствия в ЮВА. На инаугурацию президента Видодо прибыл вице-президент США Джон Байден.

Уже в период президентства Юдойоно Белый Дом рассматривал Индонезию в качестве бесспорного регионального приоритета в ЮВА как крупнейшего государства АСЕАН по территории и количеству населения, члена «Группы 20», крупнейшей мусульманской страны мира, располагающей богатейшими ресурсами и занимающей чрезвычайно выгодное геостратегическое положение на пересечении важнейших морских маршрутов, включая такие проливы как Малаккский, Макаassarский, Ломбокский и Сунданский. Интересам США, безусловно, отвечает стремление Индонезии к повышению своего авторитета в регионе и максимальному использованию выгодного архипелажного морского положения, а также связанного с этим наращивания мощи индонезийских ВМС и ВВС, что расширяет сферу двусторонних связей в области обороны и безопасности, включая развитие морской инфраструктуры Индонезии, модернизацию ее обороной промышленности. Видодо, как и его предшественник, генерал Юдойоно уделяет серьезное внимание увеличению военного потенциала страны. В конце декабря 2014 г. он поставил задачу превратить индонезийскую армию в силу, с которой будут считаться все в регионе⁵.

Индонезия стремится в перспективе к достижению самообеспеченности своих вооруженных сил техникой и вооружением собственного производства по целому ряду направлений, не отказываясь от приобретения его и за рубежом у основных экспортеров. Американские специалисты оказывали содействие генштабу вооруженных сил и каждому из трех видов войск Индонезии в разработке стратегических планов обороны страны на 2015–2019 гг., причем по оценке министра обороны, генерала Прабово предложенные программы были оптимальными⁶.

В апреле 2015 г. подразделения морской авиации Индонезии и США провели совместные учения в районе архипелага Риоу. Министр обороны Индонезии Р. Рьякуду в мае 2015 г. провел в США переговоры о новых поставках авиационной техники, а также о сотрудничестве в борьбе против терроризма, включая подготовку войск спецназа.

Вместе с тем Видодо подчеркивал, что сплочение развивающихся государств и борьба за отстаивание их интересов – важнейшая часть внешнеполитической активности правительства. Так, по

случаю 60-летней годовщины афро-азиатской конференции в Бандунге в апреле 2015 г., он подчеркнул, что их борьба за упрочение независимости еще не завершена и новый мировой порядок на основе справедливости, равенства и процветания еще не достигнут. От имени государств Азии и Африки он потребовал реформы ООН, чтобы повысить эффективность работы этой международной организации, которая на первое место ставит справедливость для всех народов. Он подчеркнул, что современный мировой порядок, «устаревшие идеи», такие как созданные после Второй мировой войны «Бреттон-Вудские» учреждения и мнения, что будто бы глобальные экономические проблемы следует решать только лишь посредством Всемирного банка, ВМФ и Азиатского банка развития, должны уйти в прошлое.

Призвав страны Азии и Африки держаться вместе против засилья «определенных групп государств», он выступил за создание нового мирового порядка, открытого для растущих экономических держав⁷.

Обозначив принципиальные внешнеполитические позиции, индонезийский лидер предпринял визиты в страны уже ставшие сторонами традиционного для внешней политики Джакарты треугольника – США, Китай, Россия. В марте 2015 г. Видодо нанес визит в КНР, а в октябре посетил с государственным визитом США.

В ходе переговоров с Б. Обамой констатировалось, что отношения между двумя странами скрепленные общей приверженностью к демократии и правам человека «крепки как никогда». Американская сторона поддержала намерение Джакарты стать глобальным морским центром, ее лидерство в региональных делах и возрастающую роль на международной арене. Президент Индонезии приветствовал курс США на перебалансировку в сторону АТР.

В опубликованном лидерами двух стран совместном заявлении по итогам встречи отмечалось, что они осознают необходимость укрепления всесторонних партнерских отношений и намерены активизировать «глобальное или региональное сотрудничество» в сфере климатических изменений, экономики, энергетики и в других областях. Вашингтон выразил намерение и впредь сотрудничать с Индонезией в борьбе против терроризма в рамках американской программы оказания содействия антитеррористическим мерам, по каналам которой осуществляется финансовая, техническая помощь и обмен разведанными⁸. Были подписаны соглашения по экономическому сотрудничеству на общую сумму в 20 млрд. долл.⁹.

Важным стал и документ о Всеобъемлющем оборонном сотрудничестве, который зафиксировал готовность к взаимодействию в сфере морской безопасности. Было заявлено о заинтересованности сторон в совместном развитии оборонной промышленности и совместном оборонном производстве¹⁰.

На состоявшейся пресс-конференции Обама отметил, что встреча поможет четче обозначить характер американо-индонезийских ключевых отношений стратегического партнерства. Президент Видодо поддержал позицию Обамы по глобальному потеплению и сообщил, что Индонезия, будучи крупнейшей экономикой в ЮВА, намерена присоединиться к продвигаемому Б. Обамой ТПП¹¹.

Мировая торговля регулировалась Генеральным соглашением о тарифах и торговле (ГАТТ). Это соглашение и ВТО стали локомотивами бурного развития международного экономического обмена, приведшего мир к глобализации. Но уже в начале XXI века конфигурация мировой торговли изменилась, к чему ВТО оказалась не готовой. В мировом экспорте резко возросла доля развивающихся государств, обострились их противоречия с развитыми странами, что привело к провалу Дохийского раунда переговоров в рамках ВТО. Всё это и замедление экономического роста стран БРИКС привело к сокращению темпов роста мирового экспорта, а ввиду роста самодостаточности регионов в мировой торговле усилилась тенденция к регионализации и созданию региональных или субрегиональных Зон свободной торговли и других ее форм, отмечает И. Макаров, к.э.н., доцент НИУ «Высшая школа экономики» в статье «Транстихоокеанское партнерство и его значение для мира и России»¹².

США при Обаме решили направлять этот процесс, взяв курс на глобализацию уже региональных форм торговли. Хозяин Белого Дома признавался, что США не могут «позволить кому-либо писать правила мировой экономики. Этим должна заниматься Америка, поскольку более 95% потребителей американской продукции проживает за ее пределами»¹³.

В ноябре 2015 г. по инициативе президента США 12 стран (кандидатов было гораздо больше) подписали соглашение о создании Транс-Тихоокеанского партнерства. Параллельно Вашингтон вел переговоры по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству (ТПП) со странами ЕС, чтобы охватить соглашениями 60% мировой торговли и практически все ведущие эко-

номики за исключением Китая, Индии и России. Одновременно с участием Китая, Индии и 10 стран АСЕАН формировалось Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (ВРЭП). Мировая торговля раскалывалась на мегарегиональные структуры, что меняло экономическую картину мира.

Хотя двусторонний торговый оборот в 2015 г. превысил 27 млрд долл. при положительном сальдо для Индонезии, однако уже к концу 2015 г. страна отказалась участвовать в проталкиваемом Обамой экономическом проекте Транстихоокеанского партнерства, прежде всего, по той же причине, что и Юдойоно, то есть неготовности к такому шагу экономики страны. Хотя отдельные страны АСЕАН умудрились записаться в обе торговые коалиции.

Кроме того, США не скрывали, что их проект – это противовес китайскому «Один пояс – один путь». В качестве альтернативы у Джакарты имеется ВРЭП с участием стран АСЕАН, Китая, Японии, Индии при опоре на КНР, а также рассматривалась возможность присоединения к соглашению о Зоне свободной торговли с Евразийским экономическим союзом.

США оказывали Индонезии разнообразную помощь, включающую подготовку кадров в вузах США, поддержку органов безопасности, системы госуправления, здравоохранения, защиты окружающей среды. Для этих целей выделяются многомиллионные суммы. Индонезию и такие страны АСЕАН как Таиланд, Филиппины и Сингапур в США считают незаменимыми как партнеров в ряде случаев для балансирования Китая. Так, председатель комиссии по делам вооруженных сил Сената небезызвестный ястреб Джон Маккейн предлагал предоставить странам ЮВА 425 млн долл. для противостояния территориальным притязаниям Китая¹⁴.

Специальный саммит АСЕАН, состоявшийся в Калифорнии в середине февраля 2016 г., четко продемонстрировал антикитайскую позицию Белого Дома, направленную на дальнейшее сдерживание Китая, призывавшего асеановцев к сплочению по вопросу ЮКМ, что не встретило особого энтузиазма у членов Ассоциации, которые отказались от совместной с хозяином Белого Дома пресс-конференции. Зато он солировал на ней, заявляя о необходимости прекращения мелиорационных работ в ЮКМ и недопустимости милитаризации данной акватории, призывая быть сплоченнее в столь важных вопросах, шире пользоваться свободой судоходства. Обама подтвердил готовность США оказывать своим региональ-

ным союзникам и партнерам помощь в укреплении их морской безопасности.

В индонезийской экономике сохранялось сильное влияние и присутствие США. Америка заняла третье место по объему капиталовложений после Сингапура и Японии. С 2010 г. по 2015 г. их инвестиции составили 8,2 млрд долл. Индонезия и США взаимозаинтересованы в развитии торговли и всестороннем экономическом сотрудничестве. Двусторонний товарооборот в 2015 г. составил 27 млрд долл., а в 2016 г. – 23,44 млрд с положительным сальдо у Индонезии в 8,84 млрд¹⁵.

Смена хозяина Белого Дома и приход в него Дональда Трампа в начале 2017 г. вызвали определенный оптимизм среди ряда индонезийских руководителей. Так, министр-координатор Лухут Панджаитан, отметив, что внешняя политика Барака Обамы, направленная на разжигание противоречий между странами, и идеологические устремления его администрации приводили к нежелательным последствиям, высказал надежду на то, что Д. Трамп окажется прагматиком, не склонным к идеологическому и конфронтационному подходу на международной арене¹⁶.

Однако Дональд Трамп, победивший на президентских выборах в конце 2016 г., в самом начале своего президентства уже в марте 2017 г. включил Индонезию в число 16 стран, имеющих существенный положительный баланс в торговле с США, обвинив их в использовании нечестных приемов и прямом мошенничестве. На первое место вышел Китай с перевесом в 347 млрд долл., а Индонезия на 15-м с перевесом в 13 млрд. В итоге, под угрозой оказались важные статьи индонезийского экспорта.

Дефицит в торговле с Индонезией составил около 3 млрд на 124 вида товаров. Министр торговли Индонезии заявил, что Джакарта не хочет торговой войны, от которой никто не выиграет, предупредил, что если давление продолжится, то Индонезия предпримет ответные меры. Вице-президент Ю. Кала назвал мошенником Америку, которая проповедуя свободу торговли, при Трампе сама встала на путь протекционизма¹⁷. Он пригрозил, что в качестве ответных мер Индонезия может повысить тарифы на импорт из США сои, пшеницы, кукурузы и самолетов Боинг¹⁸. США не хотели бы оказаться в торговой войне помимо Китая еще и с ней.

Председатель Торгово-промышленной палаты Индонезии Росан Руслани призвал искать новые рынки сбыта и «избегать американоцентризма» во внешнеэкономических связях страны¹⁹.

Президент Видодо даже заявил, что с избранием Трампа следует постепенно избавляться от ориентации на американский доллар как основную международную валюту, так как курс «рупия-доллар» все меньше соответствует основным реалиям индонезийской экономики и более важную роль играет соотношение «рупия-юань», поскольку в торговом обороте страны на Китай приходится 15%, а на США –10%²⁰.

Правительство Индонезии должно было по планам ускоренного развития вложить в ближайшие 5 лет 740 млрд долл. в развитие инфраструктуры. Средств явно не хватало, хотя экономический рост был стабилен. Для пополнения бюджета было решено «поприжать» иностранные компании, нещадно эксплуатирующие недра страны. Наиболее крупные американские инвестиции в Индонезии сделаны в горнодобычу.

В провинции Западное Папуа в кебупатане Мимика с 1967 г. ведется разработка крупнейшего в мире золото-медного месторождения «Гразберг» на условиях так называемого «Рабочего контракта» (то есть долговременной концессионной лицензии) американской компанией «Фрипорт МакМарон» со штаб-квартирой в штате Аризона, которая до недавнего времени полностью контролировала созданное для эксплуатации этого месторождения местное предприятие «ПТ. Фрипорт Индонезия» с американскими инвестициями в 7,2 млрд. Контроль она получила обычным для времен «нового порядка» генерала Сухарто путем подкупа и мошенничества. В период с 1998 по 2004 гг. компания «занесла» индонезийским властям и силовикам более 20 млн долл. для обеспечения спокойной и безопасной работы. Местная индонезийская полиция и силовые структуры «крышевали» ее. Фрипорт стала важным источником дохода для правительства США. Трения начались еще в период президентства Б. Обамы. В 2011 г. восстали местные рабочие, требуя повышения зарплаты. Они блокировали дороги, вступали в стычки с полицией, выводили из строя оборудование. В 2014 г. в стране был введен в силу закон о повышении добавленной стоимости продукции горнодобывающей промышленности при ее экспорте, что привело к обострению отношений с компанией.

Конфликт особенно обострился, как отмечает российский исследователь А. Другов, на рубеже 2016-2017 гг. Правительство Индонезии в рамках курса на упрочение экономической самостоятельности страны во всех областях, требовало передачи себе 51% акций (в 2016 доля составляла менее 10%) и участия в установлении экс-

портных цен. Президент в случае отсутствия прогресса на переговорах сторон пообещал «принять меры»²¹. Министр Л. Панджаитан заявил, что если концерн хочет остаться в Индонезии, то он должен вести себя как «порядочный квартиросъемщик» и недопустимо, чтобы компания диктовала государству свои условия²². Правительство дало компании отсрочку до октября 2017 г.

Вице-президент США М. Пенс в апреле 2017 г. во время визита в Индонезию, в частности, должен был уладить эту проблему. На встрече с президентом Видодо он подчеркнул, что Трамп высоко оценивает всеобъемлющее стратегическое партнерство двух стран, которые совместно должны работать над тем, чтобы устранить препятствия на пути американского экспорта в страну. Индонезийская сторона констатировала, что получила заверения новой администрации о намерении совершенствовать американо-индонезийское партнерство в сфере торговли и инвестиций²³. Во время визита Пенса представители бизнеса двух стран подписали соглашения на общую сумму 10 млрд долл. в сфере торговли и инвестиций. При этом индонезийская сторона высказала пожелание получить более четкое представление о торговой политике при новом президенте²⁴.

Переговоры по вопросу о концерне «Фрипорт» проходили между американским и индонезийским вице-президентами. Ю. Калла заявил, что вопрос об американском концерне решен и его не следует более поднимать. Он относится к сфере бизнеса²⁵.

Но после того, как концерн подал заявку, ему было продлено разрешение на функционирование до середины февраля 2018 г. Срок аренды истекал в 2021 г. Индонезия, рассчитывая на доходы от приисков, подготовила поправки к условиям добычи и собиралась частично национализировать компанию. В итоге осенью 2018 г. правительство Индонезии в лице госкомпании «ПТ. Иалюм» выкупило у американцев 51% акций за 3,85 млрд долл.²⁶

Серьезные расхождения сохранялись у двух стран и по проблемам Ближнего Востока. В документе МИД Индонезии имеется абзац, посвященный целям и задачам страны в мировом исламском движении. Являясь самой крупной мусульманской страной, Индонезия стремится выдвинуться в лидеры мировой исламской уммы (сообщества единоверцев), развивает сотрудничество с исламскими государствами по линии Организации исламского сотрудничества, пытается выступать (как страна умеренного ислама) в качестве связующего моста между европейской и исламской цивилизациями.

Президент Видодо настоятельно предлагал добрые услуги индонезийской дипломатии в урегулировании конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке при сохранении нейтральной позиции, чтобы не терять возможности влиять на ход событий в этих регионах.

В апреле 2017 ракетные удары США по Сирии были расценены Джакартой как односторонняя военная акция без санкций Совета Безопасности, противоречащая нормам международного права. Индонезия призывала к более активной роли ООН в сирийском урегулировании²⁷.

События в Ираке, Ливии, Сирии, да и опыт самой Индонезии подпитывают недоверие к политике США и Запада в целом. Вице-президент Ю. Калла осуждал насильственное насаждение демократии путем вторжения сверхдержав. Он считает, что ИГИЛ (запрещена в России) – итог этих вторжений. Ряд индонезийских военных и политологов отмечал, что за такими конфликтами просматриваются нефтяные и экономические интересы США на Ближнем Востоке. Генерал в отставке Прабово Субианто заявлял, что «США вошли в Ирак якобы для того, чтобы привнести туда демократию. Но они почему-то не пошли в Зимбабве, где тоже нет демократии. И сам же ответил «да потому, что в Зимбабве нет нефти»²⁸. Вице-президент Ю. Калла, выступая на о. Бали на международном Демократическом форуме 7 декабря 2017 г., призвал обратить внимание на Ирак, Сирию, на которые напала Америка, чтобы «принудить их к демократии». В итоге ситуация там резко ухудшилась. Он также заявил, что если обратиться к Ливии, то очевидно, что целью Запада там была не демократия, а нечто худшее²⁹.

Когда Д. Трамп в конце января 2017 г. ввел ограничения на въезд в США граждан стран с преимущественно мусульманским населением, Видодо отметил, что конкретно Индонезии этот запрет не касается и не стоит беспокоиться³⁰. Однако эта мера вызвала осуждение в стране и президент, готовясь к выборам на второй срок, вынужден был учитывать мнение мусульманской общины страны, резко осудившей такие действия Трампа. Вскоре, приняв во внимание настроения в мусульманской общине Индонезии и в большинстве мусульманских стран, он и вице-президент Юсуф Калла стали заявлять, что индонезийское общество осуждает эту акцию, которая лишь усиливает подозрительность в отношении мусульман³¹.

Министр иностранных дел страны Ретно Марсуди высказала глубокое сожаление в связи с этим шагом США³². Обозреватели и

политические деятели страны упрекали Трампа в том, что он неправомерно отождествляет ислам с радикализмом и терроризмом, заявляли о тревоге и беспокойстве со стороны многих индонезийцев этим шагом Вашингтона по отношению к мусульманам всего мира.

Президент даже говорил о превращении Индонезии во всемирный центр – узел сотрудничества цивилизаций, ведь девиз государства – «Единство в многообразии». В стране нет государственной или официальной религии. В Конституции 1945 г. записан принцип религиозности, который трактуется как равенство всех существующих в стране религий и свобода вероисповедания.

Отношение к США в стране двойственное. С ними как глобальным игроком необходимо сотрудничество, но политика на Ближнем Востоке, вмешательство во внутренние дела других стран постоянно настораживали и вызывали недоверие и подозрение в отношении американских планов.

В этой связи признание Трампом Иерусалима в качестве столицы Израиля в декабре 2017 г. привело к такому накалу антиамериканизма, которого не было со времен президента Сукарно. Видодо заявил, что этот шаг вызывает раздражение, испуг и возмущение³³.

Министр иностранных дел страны Ретно Марсуди вызвала посла США и по поручению президента заявила, что Индонезия осуждает решение Белого Дома³⁴. В своем выступлении на чрезвычайном саммите Организации исламского сотрудничества президент выдвинул план оказания поддержки палестинскому государству, в котором, в частности, предусматривалось призвать страны, имеющие посольства в Тель-Авиве не следовать примеру США и предпринять соответствующие шаги по дипломатической линии, вплоть до пересмотра отношений с Израилем³⁵.

Американский представитель США в Совете Безопасности заблокировал проект резолюции с осуждением решения Трампа, а Вашингтон выступил с угрозами прекратить помощь государствам, поддержавшим антиамериканскую резолюцию. Сравнивая позицию Обамы и Трампа, бывший посол Индонезии в США и зам. министра иностранных дел Дино Джелал отметил, что правительство США всегда испытывало давление произраильского лобби, но в отличие от Б. Обамы президент Трамп ему не сопротивляется³⁶. Но когда мусульманские лидеры страны призвали к бойкоту американских товаров вице-президент Ю. Калла решительно выступил про-

тив, отметив, что без оборудования и предметов повседневного обихода, произведенных в США, не могут обойтись ни нефтяная промышленность Индонезии, ни сами индонезийцы, которые не выходят из дома без айфона в кармане³⁷.

После заявления Трампа, что 128 государств, выступивших в ООН против решения Вашингтона «являются врагами США», МИД Индонезии ответил, что обе страны знают позиции друг друга и в конечном итоге угрозы не окажут серьезного воздействия на двусторонние отношения. Дипломатическая невоспитанность американского президента ловко и ядовито, по-восточному нивелировалась³⁸.

В январе 2018 г. в Джакарту прибыл министр обороны США Дж. Мэттис с целью укрепления стратегического партнерства между странами. В чем его захотели укрепить в Белом Доме, для индонезийцев не было секретом. Накануне Пентагон заявил, что геополитическое соперничество с Пекином будет для него приоритетным. На встрече с министром иностранных дел Индонезии американская сторона, высоко оценив роль Индонезии в регионе, заявила о необходимости укрепления двусторонних отношений, прежде всего в рамках всеобъемлющего партнерства. Он был принят президентом Видодо и министром обороны Р. Рьякуду.

Индонезийская пресса писала, что цель визита – расширить в целом военное сотрудничество между США и Индонезией, которая модернизирует свои вооруженные силы и якобы проявляет растущую готовность противостоять территориальным притязаниям Китая³⁹.

А посол США Дж. Донован на церемонии передачи Индонезии 24 истребителей Ф-16 в конце февраля 2018 г., отметив, что США гордятся своей ролью крупнейшего партнера Индонезии в сфере военного сотрудничества, подчеркнул, что это увеличивает возможности ВВС страны в проведении операций в морских просторах самых внешних пограничных районов Индонезии, как бы априори включая Джакарту в разряд партнеров США в противостоянии Пекину. В марте 2018 г. министр обороны США Мэттис в Вашингтоне во время встречи с министром иностранных дел Индонезии, назвав ее важнейшей страной ЮВА в географическом и дипломатическом отношениях, заявил, что для двух стран важно сотрудничать и делить ответственность за региональную безопасность⁴⁰. Итак, из всех стран ЮВА Америка выбрала Индонезию. Мэттис назвал Индонезию важнейшей страной в ЮВА в географи-

ческом и дипломатическом отношениях. Но в конфликте держав в ЮКМ Джакарта не собиралась занимать чью-то сторону. Президент Индонезии в преддверье выборов был далек от демонстрации навязываемой ему американской дружбы. Кроме того, в ЮВА чувствовали, что США уже не бесспорный лидер, который, хоть и не в близкой перспективе может оказаться не первым или не единственным первым. Видодо на ежегодной встрече ВМФ и Всемирного банка на о. Бали в октябре 2018 г., довольно прозрачно намекая на США, отметил, что в мире конкуренции и соперничества нет смысла упиваться победами посреди разрухи или быть величайшей экономикой в мире, которая идет на дно»⁴¹. Этот явный пессимизм был адресован США.

Тем не менее, США оставались одним из основных торговых партнеров Индонезии. Американский рынок – одно из важнейших направлений экспорта Индонезии, особенно таких ее товаров как каучук, газ и нефть. США также один из основных инвесторов для Индонезии, а в торговле с США Индонезия, как и ряд стран ЮВА имела традиционное положительное сальдо.

Определенные надежды в Джакарте возлагались на визит в страну в начале августа 2018 г. госсекретаря США Майкла Помпео. Министр иностранных дел Индонезии заявила, что будут обсуждаться меры по упрочению партнерства между странами. Накануне переговоров М. Помпео заявил, что Индонезия является стратегическим партнером США, и Америка высоко ценит рост демократии в этой стране. В ответ Джоко Видодо сказал, что Индонезия не только гордится тем, что является крупнейшей страной ЮВА и самой большой мусульманской страной мира, но при этом еще и остается растущей демократией, не забыв добавив о необходимости для всех наций сохранять самобытность и взаимное доверие.

Также индонезийская сторона выразила надежду на сохранение преимуществ в тарифной системе, которыми Индонезия пользовалась до последнего времени. «Сообщений о том, каков был ответ американской стороны не поступало», как отмечал А. Другов⁴².

Но итоги переговоров министра обороны Индонезии Р. Рьякуду со своим американским коллегой Дж. Мэттисом в США в конце августа 2018 г. расценили позитивно. Они касались дальнейшего развития сотрудничества в различных областях и на разных уровнях, а также вопросов совместных военных учений, военнотехнического сотрудничества и совместной борьбы против терроризма.

8 ноября 2018 г. заместитель американского посла в Индонезии Хитер Вариава выразил особую гордость тем, что США являются одним из главных военных партнеров Индонезии. Это, как отмечает А. Другов, прозвучало несколько странно в свете постоянно декларируемой Джакартой политики неприсоединения⁴³.

Джакарта, безусловно, намерена активизировать сотрудничество в сфере ВТС с США и планировала закупить еще 10 Ф-16 в дополнение к уже имеющимся 14, приобретенным за 750 млн. долл. Отношения США с РФ и КНР бьют рикошетом по военно-техническому сотрудничеству Джакарты с Россией и Китаем.

США хотят быть монополистом на рынке Индонезии и оказывают давление на нее с тем, чтобы она вышла из переговоров с Китаем по приобретению нескольких патрульных кораблей на сумму 200 млн. долл. и отказалась от контракта с Россией на закупку самолетов Су-35.

Практически Индонезия не может не оглядываться на Вашингтон. Она параллельно вела переговоры о покупке российских Су-35, завершая переговоры о покупке истребителей Ф-16 у США. Планировалось приобрести две эскадрильи. Возможно, это страховочный шаг или просто курс на сохранение привязки к обоим перспективным поставщикам военной техники, тем более, что для Джакарты это чисто бизнес, без идеологии, хотя и менее приятный чем с Россией.

Приобретение американских самолетов, по словам маршала авиации, начальника штаба ВВС Юйю Сутисна - часть пятилетнего стратегического плана Индонезии, рассчитанного на 2020–2024 гг. Он сообщил, что Индонезия по-прежнему планирует приобрести и российские перехватчики Су-35, хотя в этом вопросе возникли задержки. Он не сказал, что они возникли по вине Америки, которая препятствует покупке российских самолетов, опираясь на положение, подписанное Трампом 2 августа 2017 г. «Закона о противодействии неприятелям США через санкции» в отношении лиц и организаций, которые участвуют в сделках с разведывательными или оборонными секторами Российской Федерации»⁴⁴.

Однако индонезийская сторона не отказывается от покупки российских самолетов, заявляя, что сделка пока отложена⁴⁵. Посол России в Индонезии Л. Воробьева заявила в начале июля 2020 г., что контракт не отменен и будет реализован⁴⁶. В то же время Джакарта не может допустить американского господства в воздушном пространстве страны, отвергнув просьбу Вашингтона разрешить

посадку и дозаправку на своей территории американских самолетов «Посейдон», отслеживающие военную активность в ЮКМ, с которой обратился Помпео осенью 2020 г. во время визита в Индонезию⁴⁷. Более того, Помпео высказал пожелание, чтобы индонезийская сторона минимизировала экономическое сотрудничество с Китаем и активизировала военное сотрудничество с США для обеспечения безопасности индонезийских границ⁴⁸. Но Джакарта не собирается поддерживать американскую политику сдерживания Пекина⁴⁹. Подчеркивая свою нейтральную позицию, Индонезия всячески демонстрирует заинтересованность в продолжении диалога двух держав, избегая, как заявила министр иностранных дел «ловушки» американско-китайского соперничества. Джакарта не считает, что Россия и Китай представляют угрозу безопасности США, как утверждает американская администрация, выступающая против укрепления контактов Индонезии с ними. Джакарта, безусловно, недовольна беспардонным вмешательством Вашингтона в ее отношения с КНР и Россией, что бьет рикошетом по связям Джакарты с Пекином и Москвой.

В Индонезии также далеко не в восторге от «дипломатических вывертов» Трампа. Он сам не только не приехал на саммит Ассоциации в ноябре 2018 г. в Сингапур и в 2019 г. Таиланд, но и даже не направил в Бангкок вице-президента или госсекретаря. Во главе американской делегации был советник президента по национальной безопасности Роберт О'Брайен. В ответ президент Индонезии и еще 6 глав государств и правительств из стран АСЕАН не пришли на двусторонний саммит с АСЕАН-США в Бангкоке, на котором представитель Вашингтона зачитал приглашение Трампа посетить его в Америке для «особого саммита». На заседании присутствовали лишь руководители Таиланда, Вьетнама и Лаоса. Бесцеремонность трамповской дипломатии не могла не шокировать вежливых азиатов.

Всеобъемлющее партнерство двух стран давало Вашингтону основания надеяться, что Джакарта поддержит новую внешнеполитическую концепцию, продекларированную Д. Трампом осенью 2017 г. Закрыв обамовское ТПП, которое угрожало рабочим местам американцев, Трамп не мог оставить вакуум в обширном регионе, который успешно бы заполнял китайский Морской шелковый путь.

Сдержатъ Китай, не допустить его доминирования в Азии – это лозунг Обамы, подхваченный Трампом, взявшим «на прокат» у японского премьера Абе его еще в 2007 г. выдвинутую доктрину

четырёхстороннего альянса (квартета) в составе США, Японии, Австралии и Индии для обсуждения проблем безопасности и строительства т.н. «оси свободы и процветания». На встрече с Трампом в 2017 г. Абэ реанимировал свою идею и уже на саммите АТЭС в Дананге в ноябре 2017 г. президент США заявил, что прибыл во Вьетнам – «в самый центр Индо-Тихоокеанского региона». Следует отметить, что с миролюбивыми идеями у американцев туговато. Белый Дом подхватывает чужие, приватизирует и американизирует их. Практически Обама взял на прокат японскую концепцию ТПП, а Трамп обобщил то, о чем говорилось и обсуждалось до него. Так уж устроен мир человечества и государств. В политике практически не важно, что сказано, но чрезвычайно важно кем сказано. На этот раз идея была высказана Д. Трампом, президентом самой мощной державы. Идея японская, но еще ранее безо всяких изысков практически реализованная американскими военными, так как именно таким образом обозначается Тихоокеанским командованием район его ответственности – от Японии на Востоке до Индии на Западе.

Очевидно, главная задача – не пустить Китай на запад с его МШП, а барьером сделать Индию, которой в этом будут помогать остальные участники квартета. Но Индия, как и АСЕАН не определились в своей окончательной позиции в отношении характера американского мегарегионализма. В национальной стратегии безопасности США 2017 г., как и в Национальной стратегии обороны 2018 г. проводится мысль, что Китай бросает вызов американскому могуществу в Индо-Тихоокеанском регионе и во всем мире. «Китайская угроза» конечно не военная, а экономическая, и возрастающее воздействие китайской «мягкой силы» – вот что пугает Белый Дом.

По утверждению политологов, «Индо-Тихоокеанский регион» уже стал «новой реальностью» по крайней мере, не только в теории, но и подтвержден определенными конкретными заявлениями и делами. Российский исследователь Е. Колдунова в своей статье «Юго-Восточная Азия перед вызовами Индо-Тихоокеанских концепций (индонезийская, японская, индийская, австралийская и американская)» дает их емкую характеристику⁵⁰.

В связи с тупиком, в котором оказалось совещание министров иностранных дел стран АСЕАН в 2012 г. в Камбодже, на котром не смогли принять впервые за всю историю существования Ассоциации заключительного документа из-за серьезных расхождений по вопросу о территориальных спорах в ЮКМ, министр иностранных

дел Индонезии Марти Наталегави выступил со следующей инициативой. Он предложил в мае 2013 г. новый расширенный вариант Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии от 1976 г., который следовало заключить между членами Ассоциации и ключевыми ее диалоговыми партнерами, то есть практически между членами Восточноазиатского саммита - десятью странами АСЕАН, Китаем, Японией, ЮК, Индией, Австралией, Новой Зеландией, Россией и США. Он должен был носить название «Индо-Тихоокеанский договор о дружбе и сотрудничестве» и выполнить следующие задачи: способствовать укреплению доверия в регионе, создать условия для управления территориальными спорами и изменениями, происходящими там⁵¹. Разрешением споров АСЕАН не занималась, и никому такую функцию передавать не планировала.

Поскольку все перечисленные страны-аутсайдеры Ассоциации уже были связаны прежним договором 1976 г. после присоединения к нему, то новый, более широкий, оставляя АСЕАН в «водительском кресле», по мнению индонезийской стороны, ускорил бы урегулирование спорных территориальных проблем в ЮКМ. Однако идея так и не была реализована.

Индийская концепция ИТР основывается на внешнеполитической доктрине «Смотреть на Восток» премьера Нарасимхи Рао от 1991 г., поддерживаемой и нынешним руководством страны. Если в АТР Индия оказывалась как бы на отшибе, то ИТР практически интегрирует страну в этот огромный регион. Австралийская версия ИТР была принята в 2016 г. и в ней сделан акцент на региональных и глобальных измерениях интересов страны. Японская концепция «свободного и открытого» Индо-Тихоокеанского региона включает два экономически растущих континента – Азию и Африку и два океана Индийский и Тихий, и в ней присутствует обширный экономический аспект. Американская версия в декабре 2017 г. была закреплена в Стратегии национальной безопасности США, в которой основное региональное противоречие было определено как отражение борьбы «свободного и репрессивного» миров⁵². Если с нашей точки зрения китайский МШП – это экономика и «ничего лишнего», то американский, австралийский и во многом японский варианты ИТР – военно-политические. В американской и австралийской версиях присутствует их старая стратегическая цель – ограничение свободы для Китая в регионе. А экономический аспект американской доктрины бледен и не конкретен, по сравнению с китайским МШП. Концепция ИТР, то есть «Свободного и открытого Индо-

Тихоокеанского региона», еще сырая по сравнению с китайским МШП, считает Е. Канаев⁵³.

Японская версия занимает как бы срединное положение между американо-австралийской и индийско-индонезийской. При ее сохраняющемся военно-стратегическом характере, в ней присутствует и обширный экономический аспект, распространяющийся на два континента и два океана⁵⁴.

Наиболее инклюзивные, по мнению Е. Колдуновой, – это индийская и индонезийская версии. Но у этих стран отсутствуют экономические возможности для их продвижения: так Индия готова выступать лишь в качестве источника лучших управленческих практик для своих соседей по региону. Что же касается Индонезии, то она может утешиться тем, что ее министр иностранных дел еще 7 лет назад предложил проект «мирного регионализма и глобализма» – наиболее нормально нейтральный вариант понимания современного регионализма в рамках ИТР, что не приемлемо для Вашингтона, который всячески стремился вытеснить из политического лексикона прежний устоявшийся, но менее обширный «Азиатско-Тихоокеанский» (АТР).

Сам факт, что ни одна из стран Ассоциации, ставшей еще в середине 1990-х организатором регионального институционального сотрудничества в сфере безопасности (региональный форум АСЕАН), не была приглашена участвовать в созданном в 2017 г. «квартете», показал, что «центральность» АСЕАН и система созданных ею региональных институтов поставлены под сомнение, а «географический намек» на противостояние Китаю означал утрату важного элемента региональной стабильности. Более того, провозглашенные Трампом принципы «свободы, суверенитета и открытости», на которых создается ИТР, практически определяются США и их союзниками, а их содержание не совпадает с трактовкой многих азиатских стран, ряд из которых, по западным оценкам, не являются ни демократическими, ни свободными, ни открытыми, с их «гибридными» режимами и «дефектной демократией»⁵⁵.

Попытки США превратить акваторию двух океанов в зону противостояния США и Китая умаляло влияние ряда стран АСЕАН, и организации в целом, на обстановку в ИТР. Лидеры Индонезии, да и Ассоциации, не могут согласиться с утратой своим «детищем» центральной роли в этом обширном регионе, так как оно находится на стыке или в его сердцевине. Для Индонезии это стратегическая проблема, как отмечала министр иностранных дел

страны. Газета «Джакарта Пост» даже опубликовала 21 декабря 2017 г. статью «В Индо-Тихоокеанской концепции Трампа Индонезии не уделено должного внимания».

Неслучайно в официальных заявлениях поддержка Индо-Тихоокеанской концепции Трампа завуалированно оговаривалась необходимостью упрочения стабильности и мира в регионе с упором на экономическое развитие, о чем заявляла министр иностранных дел Индонезии. Кроме того, Индонезия давала понять, что разделяет эту политическую концепцию, лишь как «определяющую роль АСЕАН в качестве важнейшей региональной конструкции», где Ассоциация занимает естественное срединное положение⁵⁶.

Если ранее администрация Обамы отмечала эту роль АСЕАН для АТР, то сейчас Джакарта хотела бы аналогичного подтверждения для всего Индо-Тихоокеанского региона, подправляя Трампа. Если обамовское ТПП – это, прежде всего, экономическое оружие против Китая и укрепление американского экономического доминирования, то ИТР скорее политического, военного и геополитического в целом.

В американоцентричной версии ИТР регион ЮВА становится ареной соперничества великих держав, о чем свидетельствует визит Помпео в Джакарту осенью 2020 г. Что касается самой концепции ИТР то, по мнению многих исследователей, она не ясна, закамуфлировано направлена на сдерживание Китая, на подрыв значения АСЕАН и ее основополагающих принципов и роли в региональном порядке, а кроме того, углубляет противоречия внутри Ассоциации. В такой ситуации министр иностранных дел Индонезии призвала членов АСЕАН внести вклад в создание «открытого, прозрачного, всеобъемлющего» Индо-Тихоокеанского региона. Она выразила надежду, что США и впредь будут содействовать миру стабильности и безопасности в ЮКМ дипломатическими методами⁵⁷.

Вполне логично, что Джакарта первой представила свою собственную концепцию ИТР для обсуждения в рамках АСЕАН, лидером которой она стремится выступать, чтобы сохранить за Ассоциацией центральную роль в формировании региональной структуры безопасности. На 13 саммите ВАС в Сингапуре в ноябре 2018 г. президент Видодо заявил, что «сотрудничество в Индо-Тихоокеанском регионе должно строиться на таких основных принципах как центральность АСЕАН, открытость, транспарентность, инклюзивность, на подходе основанном на общих правилах с целью укрепить взаимное доверие, уважение и выгоду»⁵⁸. Индонезийские

дипломаты отмечали, что версия Видодо отличается от американской и японской. Штаты говорят о военной мощи, а японцы в основном об инфраструктуре для региональных стран, в то время как в предложенной «мягкой» индонезийской версии упор сделан на мягкий подход, на вопросы экономики, безопасности и человеческого фактора.

52 встреча министров иностранных дел стран АСЕАН в Бангкоке летом 2019 г. одобрила «Видение АСЕАН для Индо-Тихоокеанского региона». Министр иностранных дел Таиланда Дон Праматвинай назвал асеановский проект «более травоядным», чем стратегии других стран. Он отметил, что АСЕАН стремится к сотрудничеству во всех сферах со всеми без исключения диалоговыми партнерами.

29 июня 2019 г. на 34 саммите в Таиланде Ассоциация официально опубликовала свое «Видение» АСЕАН значительно отличающееся от американской версии как инструмента укрепления асеаноцентричного и всеобъемлющего регионального диалога по вопросам экономики и безопасности. В нем отмечается, что ЮВА находится в центре динамично развивающихся экономических и политических процессов в регионе, и поэтому АСЕАН должна играть ключевую роль в формировании нового геостратегического пространства⁵⁹.

В документе АСЕАН экономические планы организации увязаны с развитием многостороннего взаимодействия в ИТР. Страны Ассоциации принимают концепцию АТР как дополнительный источник привлечения зарубежных инвестиций и активизации уже существующих проектов экономического развития.

Заключение

В качестве ведущего игрока в ЮВА Ассоциация не сторонится создания в ИТР новых институциональных механизмов и предлагает активизировать уже действующие площадки по вопросам безопасности, такие как ВАС, АРФ и Совещание министров обороны АСЕАН и 8 ее партнеров по диалогу. (СМО АСЕАН+8) Кроме того, асеановцы с учетом специфики политических режимов в странах ЮВА обошли молчанием проблемы прав человека и демократических принципов и свобод. Вопрос упирается в то, насколько асеаноцентричная концепция заинтересует партнеров и будут ли США и другие члены квартета координировать свои планы и действия с учетом Видения АСЕАН.

Индонезия и АСЕАН в целом оказались на периферии дискуссии по жизненно важному для них вопросу и им придется убедить членов «квартета» в том, что именно их понимание ИТР самое адекватное в создавшейся ситуации, а кроме того, убедить пока не включенных в число «больших избранных» Китай и Россию в инклюзивности проекта и в том, что они будут ее отстаивать. А главное, как им вести себя с не приглашением в эту структуру таких «больших держав» как Китай и Россия? По мнению Г.М. Локшина, отношения США и Китая – двух крупнейших мировых держав, определяют обстановку в АТР вообще и в ЮКМ – в особенности. При этом основные страны ЮВА и, прежде всего, Индонезия объективно становятся объектами их дипломатических маневров⁶⁰.

¹ Джакарта Пост 13.11.2014, №26.

² Хохлова Н.И. Эволюция внешнеполитического курса Индонезии при Джоко Видодо / Н.И. Хохлова // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. - 2017. - №37. - С. 70-81.

³ Vibhanshu Shekhar, Joseph Chinyong Liow. Indonesia as a Maritime Power: Jokowi's Vision, Strategies, and Obstacles Ahead/ Vibhanshu Shekhar, Joseph Chinyong Liow. — Brookings, 2014, URL: <http://www.brookings.edu/research/articles/2014/11/indonesia-maritime-liow-shekhar>

⁴ Другов А.Ю. Индонезия в 2015 году // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, №31, 2015, С. 51.

⁵ The Jakarta Post, 31.12.2014.

⁶ The Jakarta Post, 08.01.2015.

⁷ Antara News, 22.04.2015.

⁸ Joint Statement by the United States of America and the Republic of Indonesia (October 26, 2015), URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/10/26/joint-statement-united-states-america-and-republic-indonesia>

⁹ Joint Statement by the United States of America and the Republic of Indonesia...

¹⁰ Antara News.com, 27.10.2015.

¹¹ Соглашение о всестороннем партнерстве между Министерством обороны Индонезии и Министерством обороны США о создании рамочной системы по укреплению военных и экономических связей, URL: <http://treaty.kemlu.go.id/apisearch/pdf?filename=USA-2015-0346.pdf>; www.today.kz/business-and-economy/10625-indonesia-namerena-prisoedinitnya-k-tpp.html

¹² <https://wto.ru/trade-preferentsialnye-torgovye-soglashenia/transtikhookeanskoe-partnerstvo-i-ego-znachenie-dlya-mira-i-rossii/>

¹³ Statement by the US President on the Trans-Pacific Partnership (October 05, 2015), URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/10/05/statement-president-trans-pacific-partnership>

¹⁴ The Jakarta Globe, 18.20.2015.

¹⁵ The Straits Times (Singapore), 20.04.2017.

¹⁶ Другов А.Ю. Индонезия реакция на перемены в США // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития вып. XXXIV, ИВ РАН, 2017, С. 116.

- ¹⁷ Suara Merdeka, 05.04.2017.
- ¹⁸ Antara, 27.03.2018.
- ¹⁹ Republika.co, 27.01.2017.
- ²⁰ Suara Merdeka, 07.02.2017.
- ²¹ The Jakarta Post, 24.02.2017.
- ²² Antara News, 23.03.2017.
- ²³ The Jakarta Post, 20.04.2017.
- ²⁴ Republika.co, 24.04.2017.
- ²⁵ Republika.co, 22.04.2017.
- ²⁶ The Jakarta Post, 24.02.2017.
- ²⁷ Antara News, 07.04.2017.
- ²⁸ Antara News, 17.04.2017.
- ²⁹ Garta News, 07.12.2017.
- ³⁰ Antara News, 30.01.2017.
- ³¹ <http://www.republika.co.id>. 31.01.2017.
- ³² The Straits Times, 29.01.2017.
- ³³ Republika. 14.12.2017.
- ³⁴ Republika. 14.12.2017.
- ³⁵ Republika. 14.12.2017.
- ³⁶ Antara. 21.12.2017.
- ³⁷ The Jakarta Globe. 20.12.2017.
- ³⁸ Suara Pemdaruam. 04.02.2018.
- ³⁹ Suara Merdeka. 24.01.2018.
- ⁴⁰ Antara. 27.03.2018.
- ⁴¹ Antara. 24.10.2018.
- ⁴² Другов А.Ю. Индонезийско-американские отношения на современном этапе // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, № 42, 2019, С. 109.
- ⁴³ The Straits Times. 05.08.2018
- ⁴⁴ Antara. 08.2018.
- ⁴⁵ <https://news.mail.ru/politics/40925368/?frommail=1>
- ⁴⁶ <https://www.arms-expo.ru/news/cooperation/kontrakt-na-postavku-indonesii-istrebiteley-su-35-poka-ne-razorvan-no-podvis/>
- ⁴⁷ <https://www.aux.ru/news/2020/7/2/214184/>
- ⁴⁸ <https://www.golosameriki.com/a/pompeo-promises-cooperation-with-indonesia:m-south-china-sea/5640004.html>
- ⁴⁹ <https://thediplomat.com/2020/10/indonesia-rebuffs-us-request-to-host-spy-planes-report/>
- ⁵⁰ Колдунова Е.В. Юго-Восточная Азия перед вызовами Индо-Тихоокеанских концепций. Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития вып.№ 43 ИВ РАН, 2019, С. 42-54.
- ⁵¹ Indonesia FM Seeks new Asian treaty to curb conflict // Channel News Asia, 17.05.2013. URL: <http://www.channelnewsasia.com/news/asiapacific/indonesia-fm-seeks-new-asian-treaty-to-cu/677940.html>
- ⁵² National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // National Security Strategy Archive. URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2017/12/2017.pdf>. P.45
- ⁵³ Астафьева Е.М. Современное состояние конфликта в Южно-Китайском море (2018). Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития №4(41) 2018, С. 205.
- ⁵⁴ Колдунова Е.В. Юго-Восточная Азия перед вызовами Индо-Тихоокеанских... с. 45
- ⁵⁵ Democracy Index, 2018, P. 26.

⁵⁶ Александр Королёв, Индо-Тихоокеанский регион: точка зрения АСЕАН, 03.07.2019, <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/indo-tikhookeanskiy-region-tochka-zreniya-asean/>

⁵⁷ Александр Королёв, Индо-Тихоокеанский регион: точка зрения АСЕАН...

⁵⁸ Александр Королёв, Индо-Тихоокеанский регион: точка зрения АСЕАН...

⁵⁹ Александр Королёв, Индо-Тихоокеанский регион: точка зрения АСЕАН...

⁶⁰ Локшин Г.М. Стратегическое соперничество Китая с США в Южно-Китайском море // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, Том I, № 2 (43), 2019, С. 54-73.

Статья поступила в редакцию 10.11.2020, принята к публикации 20.11.2020.